

УДК 821.133.1
ББК 83.3

Н.С. Шуринова

**ДНЕВНИК
КАК ИНСТРУМЕНТ
ФИЛОСОФСКОГО
САМОИССЛЕДОВАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ
Ж.-П. САРТРА**

В статье рассматриваются тексты Ж.-П. Сартра, в которых обнаруживаются формальные признаки дневника, – роман «Тошнота» и «Дневники странной войны». Данные работы демонстрируют общие принципы дневникового высказывания в творчестве Сартра и позволяют судить о том, какие философские установки и психологические задачи давали возможность реализовывать дневниковое слово.

Ключевые слова: *Сартр, дневник, жанровые признаки, экзистенциальный проект, феноменология.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-4-28-34

Шуринова Наталья Сергеевна – магистр филологии, аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-908-503-41-56
E-mail: interjectio@yandex.ru

© Шуринова Н.С., 2016.

С.Л. Фокин в своей статье о военных дневниках Ж.-П. Сартра утверждает, что личный дневник в творчестве автора занимает подчиненное положение по отношению к литературным текстам: «Дневник призван спасти от забвения проходящий день, но это спасение вверяется такому письму, которое только удаляет день истинного творения» [Фокин, с. 784]. Сам Сартр также подчеркивал бесполезность собственных авторам дневников интроспективных упражнений: «Сомнения, угрызения совести, так называемые “кризисы сознания” и проч., короче говоря – все то, что составляет материал изданий, где описывается интимная жизнь сознания, превращается в простые репрезентации» [Сартр, 2003, с. 115]. Однако М. Конта и Ж. Деги отмечают, что Сартр «шел по пути смешения жанров» [Contât, Deguy, p. 17]: следы дневника обнаруживаются как в художественных, так и в философских текстах писателя. Описывая разнообразные вариации («carnets», «journaux», «cahiers»), ученые приходят к выводу, что дневник актуален для автора в плане самопознавательном, а также как способ фиксации исторического свидетельства. Таким образом, очевидно, что дневниковый жанр имел для Сартра специфическое значение.

На наш взгляд, существует связь между формальными характеристиками дневника как жанра и сартровским подходом к исследованию личности. Мы объединим автобиографические «Дневники странной войны» («Les carnets de la dr le de guerre», 1939–1940) с ли-

тературным дневником Рокантена в романе «Тошнота» («La Nausée», 1938), чтобы выявить особенные черты дневниковой прозы, сформировавшие форму, которая позволила Сартру проводить феноменологические эксперименты.

Первой такой чертой является синхронность дневника, заключающаяся в отсутствии дистанции между временем описываемого события и временем совершения записи. Согласно определению О.Г. Егорова, дневник – это «динамическая автохарактеристика, выражающая естество и бытие человека методом последовательных высказываний, группирующихся в устойчивый временной ряд» [Егоров, с. 6]. Каждая запись в дневнике представляет собой отдельный текст, в сумме они отображают динамизм как внешних наблюдаемых автором процессов, так и внутреннего мира личности.

Привязка к настоящему моменту не позволяет говорить о целостности дневника, он всегда незакончен, предполагает продолжение в следующем дне. Обратим внимание на идею, высказанную Ф. Лежёном: привязанность записей к определенной дате создает не цикличность, но именно «векторность» дневника, обеспечивая его направленность в будущее и открытость [Lejeune].

Открытая структура и возможность исследования психики в динамическом аспекте для Сартра теснейшим образом связаны с его теорией экзистенциального проекта. Структура дневника позволяет наблюдать проектирование во всей его спонтанности, избегая ситуации кажущейся завершенности проекта, предопределенности поступков персонажей художественным замыслом. Отсюда глубоко позитивный гуманистический финал «Тошноты». Рокантен решает отказаться от дневника в пользу литературного творчества, однако формальное завершение дневникового романа не знаменует собой конец истории героя: «Но наступит минута, когда книга будет написана, она окажется позади, и тогда, я надеюсь, мое прошлое чуть-чуть просветлеет» [Сартр, 2010, с. 318].

С другой стороны, в дневнике акцентируется моральная сторона проекта, отказ героя от буржуазного рационализма, что и является, в конечном счете, главным предметом изображения в «Тошноте». Примечательно, что ближе к финалу романа Рокантен перестает датировать записи, игнорируя рационалистическое стремление к упорядочиванию: вначале он ставит число и день недели, затем просто день недели, после чего записи становятся хаотичными и не маркируются никак.

«Дневники странной войны», как отмечает Фокин, имели важнейшую задачу: они были «инструментом отрицания прошлого и одновременно конструирования новой личности» [Фокин, с. 800]. В тексте мы наблюдаем, как автор изменяет собственные принципы и экзистенциальные ориентиры, благодаря чему здесь и фиксируется отказ от стоического принятия войны как беспричинного зла и переход к идее сопричастности истории, попытке понять себя в условиях войны: «Война – это приглашение потерять себя, полностью отказаться от своего я, даже от своих писаний, бросить все, за что я так цепко держался, и стать

голым сознанием, созерцающим различные прерванные жизни моего я» [Сартр, 2002, с. 68–69].

Другим отличительным признаком жанра является его стилистическая организация. А. А. Зализняк писала, что «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность» характеризует различные разновидности дневников [Зализняк, с. 510]. Благодаря ориентированности на непринужденность дневник позволяет запечатлеть множество идей и набросков без необходимости их продолжения: записи представляют собой своеобразный фрагментарный черновик личного.

Нестрогая форма дает возможность зафиксировать спонтанные реакции собственного сознания, что было для Сартра принципом самонаблюдения. В «Трансцендентности эго» он писал о том, что представления человека о самом себе являются сконструированным отрефлексированным объектом, который может не иметь с истинной деятельностью сознания ничего общего: «Я [Moi] появляется только вместе с рефлексивным актом» [Сартр, 2003, с. 99]. Меж тем жизнь сознания раскрывается через его интенциональность: сознание представляет собой то, на что оно направлено.

Этим и объясняется то, что под пером Сартра дневник превращается скорее в свидетельство очевидца, обращающего внимание на самые разнообразные аспекты жизни, фрагменты реальности, через которые достигается правдивое изображение динамической жизни сознания. Е. М. Евнина замечает, что «в записках Рокантена нет никакого <...> драматического действия» [Евнина, с. 69]. Действительно: дневник героя представляет собой последовательность наблюдений за окружающим миром, целью которых остается самопознание. Рокантен внезапно замечает, что его восприятие мира изменилось. Желая осмыслить причины метаморфозы, он чувствует необходимость «описывать, как я вижу этот стол, улицу, мой кисет, потому что это-то и изменилось» [Сартр, 2010, с. 3–4]. Именно исследование внешнего мира помогает ему осознать свою собственную внутреннюю перемену.

В «Дневниках странной войны» можно встретить весьма разнообразные формы высказывания. Этим демонстрируется хаотичная непоследовательность мысли автора, которую невозможно выразить средствами какого-то одного стиля или речевого жанра. При этом важность представляет сам предмет, на который Сартр направляет взгляд. В военных тетрадах автор часто записывает мысли по поводу прочитанных на фронте книг (Ален, Ф. Кафка, А. Жид, Д. Дефо, Ф. М. Достоевский и др.), что составляет обширный интертекстуальный пласт дневников, наблюдает за сослуживцами (капрал Поль, сержант Ноден, рядовой Петер и др.).

Интертекстуальные отсылки могут комментироваться писателем, но могут фиксироваться лишь тезисно, без пояснений: «Жид, 1 июня 1918 г.: “Временами я с ужасом думаю, что победа, которой мы от всего сердца хотим для Франции, является победой прошлого над будущим”»

[Сартр, 2002, с. 36]. То же самое относится и к историям из солдатской жизни. Какой-либо эпизод может быть снабжен авторским о нем размышлением, но может даваться в виде краткой не требующей комментариев заметки: «Максима Петера: “Всегда полезно встречаться с теми, кто выше тебя”» [Сартр, 2002, с. 64]. Выписки из литературы и истории сослуживцев помогают Сартру понять прежде всего самого себя – через особенности своего реагирования, обнаружение схожести или несхожести позиций и убеждений. Ж.-Ф. Луэтт считает эту особенность одним из ключевых принципов сартровского автобиографизма: «Писать о себе, но косвенно» [Louette, p. XXIII].

Отдельно скажем еще об одной особенности дневникового текста, которой является его потенциальная диалогичность. Хотя дневник обычно и пишется автором для самого себя (тип коммуникации «Я–Я» по Ю. М. Лотману), возможность появления косвенного адресата никогда не исключается. А. Жирар утверждал: «Монолог в личном дневнике – на самом деле монолог с продолжением, при ведении дневника присутствие другого никогда не исключается» [Girard, p. 506]. В этом смысле интересны замечания Л. Н. Летагина, который усматривает в дневнике близость к эпистолярному жанру: «Не изменяя своим функциональным качествам, “записки для себя” могли стать самоотчетом “для другого”» [Летагин, с. 63]. Косвенный адресат становится лицом, с которым на страницах дневника автор ведет разговор, отображает на страницах тетрадей чужие реакции и определенным образом на них реагирует.

Это жанровое свойство предполагает для Сартра, что дневник может быть прочитан Другим – инстанцией, структурирующей самопознание. Вступив в диалог, писатель строит свой проект и пытается понять самого себя в режиме коммуникации.

В случае с «Тошнотой» присутствие косвенного адресата выражается в том, что Сартр создает литературный текст. С одной стороны, дневник Рокантена в романе не читает никто, с другой – в качестве литературного произведения он задуман как дневник для широкой публики. В финале герой делает выбор в пользу художественного творчества и прерывает свои записи: отсутствие Другого делает невозможной реализацию свободы. Как указывает Ж. Симон, «Сартр всегда жил “публично”, стремясь к идеалу полной прозрачности» [Simont, p. 1369]. Отказ Рокантена от «интимных записок» в пользу романа (как литературной, публичной исповеди) акцентирует необходимость читателя, социальной вовлеченности не только в этическом плане, но и в плане личной самореализации и самопознания.

В «Дневниках странной войны» имплицитный читатель также проблематизируется. Сартр постоянно думает о потенциальных адресатах текста и судьбе своих дневников: «Мне вовсе не кажется, что этот дневник будут упрекать в том, что автор гонится за двумя зайцами: интимностью и публичностью (он говорит об интимном, самом что ни на есть интимном, но для того, чтобы потом предать огласке)» [Сартр, 2002, с. 77].

С другой стороны, в «Дневниках странной войны» мы встречаем уже более конкретного косвенного адресата, которым была С. Де Бовуар. Во-первых, это влияет на организацию текста и выбор способа изложения. Сартр пишет: «Я не знаю более публичного человека, чем я. Когда я думаю, то по большей части с мыслью убедить <...> определенного человека, когда рассуждаю, то следую духу риторики, чтобы убеждать или разубеждать <...> Все, что я чувствую, я анализирую для другого в тот момент, когда я это чувствую» [Сартр, 2002, с. 76]. Появление де Бовуар в качестве свидетеля диктует выбор стилистических средств: каждое движение сознания должно быть интерпретировано и внятно изложено аналитическим языком.

Во-вторых, можно говорить о том, что де Бовуар присутствует в тексте в качестве особого «персонажа». Например, Сартр записывает метафизические размышления, которые представляют собой реакцию на слова де Бовуар в одном из писем: «В ответ на вопрос Бобра: она удивляется, что мир человеческой-реальности имеет такие громадные измерения. Не может ли она быть в мире с человеческими пропорциями? Ответ: человеческие пропорции – это пропорции человеческой деятельности, а не сознания» [Сартр, 2002, с. 121]. Таким образом, косвенный адресат военных дневников принимает опосредованное участие в их создании: отдельные записи становятся частью коммуникативного акта.

Можно прийти к заключению, что принципиально важные жанровые характеристики дневникового письма – открытость структуры и протокольность подневных записей, фрагментарность и потенциальная диалогичность – позволяют писателю актуализировать собственные философские методы исследования личного опыта. Незавершенность и свободная форма дневников позволяет рассматривать направленный в будущее экзистенциальный проект, прослеживать происходящие с личностью изменения. Отказываясь от интроспективного самоисследования, Сартр выстраивает свой самоанализ как наблюдение над собственными реакциями, в которых и вырисовывается индивидуальное «я». Этот принцип характерен как для литературного дневника Рокантена в романе «Тошнота», так и записей, которые Сартр вел, находясь на фронте во время Второй мировой войны. Косвенный адресат дневников подчеркивает диалогическую природу сартровского самопознания; эта особенность ярче проявляется в автобиографических военных дневниках, чем в литературном тексте, специфика которого определена художественными задачами.

Литература и источники

Евнина Е. М. Жан-Поль Сартр // Современный французский роман 1940–1960. М., 1962.

Егоров О. Г. Русский литературный дневник 19 века. История и теория жанра: исследование. М., 2003.

Зализняк А. А. Русская семантика в топологической перспективе. М., 2013.

Летягин Л. Н. Дневник: самосознание жанра // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 56.

Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Семиосфера. СПб, 2000.

Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания // Логос. 2003. №2 (37).

Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб, 2002.

Сартр Ж.-П. Тошнота. М., 2010.

Фокин С. Л. Автопортрет философа на фоне войны: Жан-Поль Сартр и его дневники // Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб., 2002.

Contât M.; Deguy J. Les Carnets de la drôle de guerre de Jean-Paul Sartre: effets d'écriture, effets de lecture // Littérature. 1990. Vol. 80. № 4.

Girard A. Le journal intime et la notion de la personne. Paris, 1963.

Lejeune Ph.; Bogaert C. Le journal intime: histoire et anthologie. Paris, 2006.

Louette J.-F. La main extime de Sartre // Sartre J.-P. Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris, 2010.

Simont J. Carnets de la drôle de guerre (Septembre 1939 – Mars 1940). Notice // Sartre J.-P. Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris, 2010.

References

Evkina E. M. Zhan-Pol' Sartr // Sovremennyy frantsuzskiy roman 1940–1960. M., 1962. S. 67–96.

Egorov O. G. Russkii literaturnyy dnevnik 19 veka. Istoriya i teoriya zhanra: Issledovanie. M., 2003. 280 s.

Zaliznyak A. A. Russkaya semantika v topologicheskoy perspektive. M., 2013. 565 s.

Letyagin L. N. Dnevnik: samosoznanie zhanra // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2008. № 56. S. 56–67.

Lotman Yu. M. Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty // Semiosfera. SPb, 2000. S. 159–165.

Sartre Zh.-P. Transsendentnost' Ego. Nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya // Logos. 2003. №2 (37). S. 86–121.

Sartre Zh.-P. Dnevnik strannoy voyny (sentyabr' 1939 – mart 1940). SPb., 2002. 813 s.

Sartre Zh.-P. Toshnota. M., 2010. 317 s.

Fokin S. L. Avtoportret filosofa na fone voyny: Zhan-Pol' Sartr i ego dnevniki // Zhan-Pol' Sartr. Dnevnik strannoy voyny (sentyabr' 1939 – mart 1940). SPb, 2002. S.758–813.

Contât M.; Deguy J. Les Carnets de la drôle de guerre de Jean-Paul Sartre: effets d'écriture, effets de lecture // Littérature. 1990. Vol. 80. № 4. P. 17–41.

Girard A. Le journal intime et la notion de la personne. Paris, 1963. 638 p.

Lejeune Ph.; Bogaert C. Le journal intime: histoire et anthologie. Paris, 2006. 496 p.

Louette J.-F. La main extime de Sartre // Sartre J.-P. Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris, 2010. P. XI–LIII.

Simont J. Carnets de la drôle de guerre (Septembre 1939 – Mars 1940). Notice // Sartre J.-P. Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris, 2010. P. 1363–1390.

Natalya S. Shurinova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Diary as an Instrument of Philosophic Self-research in Creative Work of J.-P. Sartre

The article examines the features of diary genre in the works of J.-P. Sartre on the text material, demonstrating an affinity with diary prose, – the novel «Nausea» and «Diary of a strange war». We proceed from the assumption that the relevance of this form is due to Sartre's genre traits, productive for the formulation of an existential statement. Among them are: a special stylistic organization of the text, the synchronicity of unfinished diary, as well as the possibility of introducing in the text of the indirect recipient and the similarity of the genre with the epistolary form. Each of these features enables Sartre to actualize their own philosophical principles and ideas: openness of the existential project, intentionality of consciousness and the need to examine the person in the aspect of its perception of the world, the senselessness of introspection and self-knowledge of the other. During the analysis we refer to the works of Russian (E.M. Evnin, S.L. Fokin) and French Sartre-experts (J.F. Luetta, M. Comte, J. Degi, J. Simon), as well as theoretical studies of the genre (works of Y.M. Lotman, O. Yegorov, A.A. Zaliznyak, L.N. Letyagin, A. Girard, F. Lejeune).

Key words: *Sartre, diary, genre features an existential project, consciousness, phenomenology.*

Natalya S. Shurinova – post-graduate student of theory and history of world literature dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University.

Phone: 8-908-503-41-56; e-mail: interjectio@yandex.ru